

Лариса Шпаковская

Jennifer Utrata. Women without Men: Single Mothers and Family Changes in the New Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 288 pp. ISBN 978-0-8014-5302-1.

Лариса Шпаковская – кандидат социологических наук, доцент НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Седова, 55, корп. 2, комн. 217, Санкт-Петербург, 192148, Россия. lshpakovskya@hse.ru.

Книга американского социолога Дженнифер Утрата представляет собой одно из самых глубоких исследований семейной жизни и гендерных отношений в постсоветской России. В фокусе внимания автора – одинокое материнство. Однако работу можно рассматривать как более широкое антропологическое исследование влияния экономических и культурных трансформаций, связанных с переходом от социализма к рыночному капитализму, на семью и гендерные отношения (см. также Ashvin 2000; Rivkin-Fish 2010; Rotkirsh 2000; Zdravomyslova 2010).

Книга состоит из шести глав. Автор начинает с истории. На материалах законодательных документов и на основе интервью с женщинами реконструируется политика, статус и условия жизни одиноких матерей в советское время. Во второй главе описаны стратегии выживания одиноких матерей в постсоветское время в условиях рыночного капитализма. В третьей главе проанализировано восприятие одинокими матерями своей позиции и окружающего социального мира или, как пишет Утрата, «культурная работа по трансформации себя – менеджмент эмоций, попытки ощутить правильные чувства» (с. 93), которые предпринимают одинокие матери для того, чтобы поддержать свое социальное лицо и быть востребованными в мужском мире рыночного капитализма. Четвертая глава посвящена описанию системы межпоколенческой поддержки, без которой выживание домохозяйств одиноких матерей было бы невозможно. Автор анализирует роль «бабушек» в структуре семейных отношений, а также статус пожилых женщин в российском обществе. Пятая глава предлагает теоретизацию одинокого материнства и материнства как такового и показывает, что смысловые границы этих понятий в российском контексте четко не определены. Шестая глава посвящена российскому отцовству, маскулинности, специфике постразводных отношений. Утрата пытается проанализировать и объяснить социальные причины маргинального статуса отца в структуре семейных отношений в России. В заключение автор помещает свое исследование о жизни одиноких матерей в России в более широкий контекст, сравнивая их с одинокими матерями в США.

Начав собирать данные (интервью и наблюдения в Калуге в 2003–2004 годах), исследовательница видела свою задачу в описании жизни матерей-одиночек, но постепенно обнаружила, что для ее информантов смысловые границы определения одинокой матери крайне размыты. Одинокие матери были «одновременно нигде и везде» (с. 7). Почти все матери в определенные периоды своей

жизни оказывались одни в результате развода, смерти супруга или его длительного отсутствия (например, в связи с командировкой). Замужние женщины часто говорили о том, что их супруг не принимает участия в работе по дому, воспитании детей и даже семейном бюджете, поэтому они фактически чувствовали себя одиночками. Более того, браки, в которых партнеры активно участвовали в домашних делах и поддерживали с женщинами хорошие отношения, были настолько редки, что респондентки оценивали их как везение, считая почти что выигрышем в лотерее (с. 170).

Опираясь на собранные данные, автор показывает, что российские одинокие матери не являются маргинализированными в символическом и социальном смыслах так, как западные матери-одиночки. Никто не рассматривает их как социальную проблему, хотя безусловным всеобщим идеалом выступает брак и нуклеарная семья с двумя родителями. Сами не состоящие в браке и не имеющие постоянного партнера матери находят в своем положении преимущества. Например, пережившие развод респондентки описывают его как конец проблемных отношений, в которых они страдали от бытового насилия со стороны партнера, от его злоупотребления алкоголем, постоянных адюльтеров или его страсти к азартным играм. Такие одинокие матери чувствовали себя свободными от семейных ритуалов гендерного неравенства и деструктивных отношений (хотя все они мечтали о том, чтобы встретить «хорошего мужчину» и выйти замуж).

Эти наблюдения позволили автору прийти к важным концептуальным заключениям в анализе семейных отношений в России. Во-первых, Утрата предложила рассматривать одиноких матерей как норму современного российского общества, а затем изучать то, чем отличаются от них матери, состоящие в браке (с. 154). Во-вторых, само понятие одинокого материнства она рассматривает как метафору, а не как реально существующую специфическую категорию женщин. Все матери в той или иной степени ощущают одиночество и безразличие со стороны общества, государства, отцов своих детей – вне зависимости от своего maritalного статуса (с. 153). В-третьих, брак в современной России представляет собой символически размытое понятие, поскольку он не дает женщине ни гарантий будущей стабильности, ни защиты, ни даже значимого статуса. Организация жизни одиноких и замужних матерей оказывается чрезвычайно сходной. Различия же между матерями замужними и одиночками состоят в степени (*in degree, not in kind*) участия в заботе о детях со стороны партнера (с. 161).

Как одиноким матерям удастся относительно благополучно существовать в современной России, учитывая то, что они сталкиваются с необходимостью быть единственными поставщиками заботы и, как правило, материального обеспечения в семье? Вопрос этот, с точки зрения автора книги, является особенно актуальным, поскольку российское государство предоставляет одиноким матерям минимальный набор льгот и выплат для компенсации их положения, а структура рынка труда (особенно в провинциальном городе) ограничивает возможности получения дохода, достаточного для обеспечения в одиночку зависимых членов семьи. На уровне повседневной идеологии выживание одиноких матерей обеспе-

чивает «дискурс практического реализма», а на уровне бытовых практик – помощь со стороны бабушек.

Дискурс практического реализма помогает одиноким матерям легитимировать свое положение. Он представляет собой гендерное измерение либеральной идеологии, делающей самих индивидов ответственными за свою жизнь, удачу и поражения. Разделяя дискурс практического реализма, одинокие матери говорят, что «могут рассчитывать только на себя». Практический реализм заставляет их представлять себя способными самостоятельно справиться со сложными обстоятельствами. Одинокие матери разделяют негативное видение государства и мужчин, поскольку, с их точки зрения, не стоит ждать помощи ни от первого, ни от вторых. В картине мира практического реализма женщины – сильные, мужчины – слабые и ненадежные, а государство отсутствует как агент социальной поддержки. Женщины несут полную ответственность за благополучие себя и своих детей. Многим из них приходится работать на двух работах и решать вопросы совмещения домашних и профессиональных обязанностей. Практический реализм позволяет им принимать сложившиеся жизненные обстоятельства и даже дает чувство превосходства над зависящими от своих партнеров замужних женщин и «деградирующих» домохозяек.

Несмотря на то, что матери-одиночки позиционируют себя независимыми от мужчин и государства, в реальной жизни они отнюдь не одиноки. Успешное выживание их домохозяйств было бы невозможно без помощи их собственных матерей. Пожилые женщины берут на себя большую часть работы по уходу за детьми и их воспитанию, а также по ведению домашнего хозяйства. За счет своего бесплатного домашнего труда они дают возможность своим дочерям не только взять на себя роль добытчиков (*breadwinners*), но и делать карьеру, освободить время для досуга, «поиска себя» или нового мужа. В интервью бабушки говорят, что основным мотивом для такой бытовой помощи с их стороны является любовь к своим дочерям и внукам. Однако их гендеризированный возраст выталкивает их с рынка труда, лишая возможностей получить интересную работу, приличную зарплату и содержательный досуг. Зачастую участие в домашнем хозяйстве своих дочерей для них является единственным способом экономического выживания и социальной включенности. Одновременно гендеризированный возраст дочерей – молодых женщин – дает им преимущества как на рынке труда, так и на брачном рынке. Соглашаясь со своей второстепенной позицией и привилегией молодости, пожилые женщины говорят о том, что они готовы «сидеть с внуками», поскольку дочерям нужно делать карьеру и зарабатывать деньги. Те немногие бабушки, которые имеют хорошую работу и доход, не выражают готовности помогать своим дочерям, разделяя гедонистические установки и предпочитая проводить свободное время дома, путешествуя или осуществляя культурное потребление. Исследование показывает, что коммерциализированная забота в виде помощи нянь и домработниц малодоступна в силу низкого уровня доходов респонденток и неразвитости рынка услуг по обеспечению домашнего быта в провинциальном городе. Таким образом, вытолкнутые с рынка труда и лишенные достаточной поддержки государства (в виде пенсий) бабушки выступали основными поставщика-

ми заботы в домохозяйствах одиноких матерей. Внутри гендерной системы они занимали подчиненное положение, в которой возраст и пол выступали основаниями неравного распределения власти.

А как же отцы? Утрата провела интервью с отцами, которые в силу различных причин не ведут совместное хозяйство с матерями своих детей. Отцы крайне редко остаются включенными в жизнь детей после расставания с их матерями. Некоторые из респондентов не видели своих детей уже несколько лет, многие отказались поддерживать своих бывших жен и детей материально. К удивлению исследовательницы, разведенные отцы «рассказывали ту же самую историю», что и женщины, полностью разделяя негативный дискурс в отношении мужчин (и себя), который был типичен для нарративов одиноких матерей. Выражая сожаление, они охотно признавали себя плохими отцами. Они не пытались сопротивляться негативному дискурсу, не пытались представить себя субъектами семейных и детско-родительских отношений, не говорили о своих усилиях поддержать связь с детьми, не обвиняли своих бывших супругов в неадекватном восприятии своей роли. Они просто соглашались с тем, что они «плохие» и «ненадежные», оправдывали злоупотребление алкоголем или адюльтеры, не видели необходимости и возможности платить алименты и т. п. Фактически социальная планка отцовства была установлена очень низко, выясняется, что «быть плохим отцом» не противоречит доминирующей конструкции гегемонной маскулинности, в рамках которой разные формы деструктивного поведения, демонстрация сексуальности и физической силы выступают основными смысловыми компонентами. Многие отцы, принявшие участие в исследовании, были знакомы с новыми идеями вовлеченного отцовства, но, не находя никакой социальной поддержки для реализации этой модели, выбирали привычные образцы «плохого» отцовского поведения. Таким образом, статус отца предполагает маргинальное положение мужчин в семье. Это положение поддерживается социальной политикой государства, матрифокальной структурой семьи и широко распространенной культурой разводов в современном российском обществе.

Стоит остановиться на некоторых ограничениях рецензируемой книги. Во-первых, она написана на материалах полевого исследования, проведенного в 2003 году, что относит собранные данные к либеральному периоду социальной и семейной политики российского государства. В период исследования еще не начались «жирные нулевые» и консервативная пронаталисткая семейная политика середины 2000-х. Герои книги живут в ситуации минимальной поддержки со стороны государства (пособия, пенсии), а заработки их крайне невелики. Социальное неравенство в доходах и жизненных возможностях еще не столь заметно, как 2010-х годах. Эти изменения иногда упоминаются. В книге подробно анализируется контекст советской гендерной и семейной политики, его влияние на гендерные отношения и статус матерей-одиночек, а также переход к либеральной постсоветской политике резкого сокращения участия государства. Изменения постсоветского культурного, политического и социального контекста в книге подразумевается, но фактически остаются за кадром исследовательской оптики. Во-вторых, специфика гендерных отношений в небольшом провинциальном российском го-

роде осталась не прояснена. Насколько они типичны и чем отличаются от большого города или деревни? Вспоминая идею Натальи Зубаревич о «четырёх Россиях» как четырёх типах регионов, кардинально отличающихся по своим социально-экономическим показателям (Зубаревич 2010), хочется понять, можно ли выделить по аналогии разные «гендерные и семейные России»?

Книга расскажет читателям о «тихой революции», которая происходит сегодня в семейной жизни. Эта революция не так заметна, как политические трансформации, но имеет куда более серьезные последствия. В результате этой революции мужчины и женщины освобождаются от традиционного семейного уклада и патерналистской политики государства. В рыночной экономике и либеральной социальной политике они предоставлены сами себе и вынуждены искать формы семейного существования, основанные на личном выборе и ответственности. Матери оказались на переднем плане этих изменений, будучи вынуждены заботиться о детях. Своими усилиями они стараются компенсировать «провалы» рынка, государства и гендерного неравенства. Утрата пишет: «В [современных] обществах женщины изменяются быстрее, чем мужчины и государство, революция гендерных отношений и семейной жизни остановилась и оказалась неравной и украденной» (с. 156).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зубаревич, Наталья. 2010. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. М.: Независимый институт социальной политики.
- Ashvin, Sarah, ed. 2000. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge.
- Rivkin-Fish, Michele. 2010. "Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Towards a Feminist Anthropology of 'Maternity Capital.'" *Slavic Review* 69(3):701–724.
- Rotkirch, Anna. 2000. *The Man Question: Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Helsinki: University of Helsinki.
- Zdravomyslova, Elena. 2010. "Working Mothers and Nannies: Commercialization of Childcare and Modification of the Gender Contract (A Sociological Essay)." *Anthropology of East Europe Review* 28(2):200–225.